

Николай Бершицкий

12+

Шато де Ригоберт

Николай Бершицкий
Шато де Ригоберт

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Бершицкий Н. О.

Шато де Ригоберт / Н. О. Бершицкий — «ЛитРес: Самиздат»,
2013

Вторжение викингов во Францию. Потерпев поражение от франков, отряд скандинавов отбивается от основной армии. Для пополнения запасов они разоряют деревню, стоящую в тени древнего замка, по слухам хранящего много богатств и тайн. Обосновавшись в стенах замка, захватчики ненароком пробуждают зло, живущее там...Обложка предоставлена сайтом Со-Автор.

© Бершицкий Н. О., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Глава 1

Сентябрьский ветер гулко раздувал паруса драконьих кораблей. 876 год принес на волнах Сены крупный флот яростных северян. Их громкие веселые песни гнали войска Карла Лысого, словно рога охотников перепуганную лису. По пути норманны огненным вихрем опустошали села и города, замки и монастыри с их непреступными стенами падали к ногам завоевателей. Народ, обложенный крупной данью короля и неумелый в бою – чего нельзя сказать о воителях севера, – сдавался почти без сопротивления. Викинги быстро распространялись по Франции, не давая спуска ее жителям.

К 879 году, когда страну возглавили Карломан и Людовик, во Францию хлынули новые силы норманнов, перекинувшиеся также на Нидерланды и Германию. Не ведали устали мечи и топоры северян, вскоре драккары с полосатыми парусами уже шли по Луаре, откуда их войско ринулось к замку Амбуаз, павшему под неистовым натиском. Но история, о которой пойдет повествование, начинается чуть позже...

Викинги стояли на реке Бигене, притоке Сонны. Довольные недавними победами, они расслабились, готовя наступление вглубь земель, часть кораблей, должна была идти дальше по воде. Ярл Ярдар собирал свою дружину к походу по суше, с корабля сгрузили оружие и припасы. Поблизости находили селения, которые можно было пограбить, прежде чем добраться до укрепленных мест французов, так что пришлось брать больше людей, дабы унести и больше добычи, с десятков осталось охранять драккар. Хотя норманны, в том числе и Ярдар по прозвищу Каменный Лоб, не подозревали, что существует реальная опасность и что она так близко. Грохот подходящей армии застиг скандинавов врасплох. День Святого Андрея выдался на редкость удачным для королей Карломана и Людовика, ведущих войнство франков. Конница ударила первой, смяв ошарашенных внезапной атакой викингов и отбросив их к воде. Спихнувшись, северяне под ливнем стрел бросились в бой, громя и рубя. Многочисленная пехота франков пустила в ход копья, чтобы держать разъяренных противников на расстоянии, но те, перерубая древки, все равно прорывались. Силы были неравными, и, не смотря на отвагу норманнов, строй их таял быстрее снега теплым весенним днем. Франки зажали северян у кораблей, сражались уже по колено в воде. Ярл Ярдар до последнего держался в битве, израненный и окровавленный. Из его людей осталось двадцать пять человек.

Вдруг запылали запаленные королевскими воинами суда. Огонь перескакивал большой колючей белкой с мачты на мачту, а потеря кораблей означала и потерю возможности отступить. Тогда ярл принял нелегкое решение: спастись бегством, бросая товарищей – пусть сами решают свою судьбу.

– На борт! – призвал он людей из личной дружины.

Прикрываемые стрелами и камнями защитников драккара, пятнадцать выживших людей Каменного Лба вскарабкались на судно и сразу приналегли на весла. Река залилась багровыми отсветами пожара и кровью. Кто-то из викингов тоже сумел вырваться из окружения, однако таковых насчиталось не много. Ладья встала на течение и быстро понеслась неведомо куда. Черный дым маячил над берегом зловещей тучей, отмечая место кровопролитной сечи.

Корабль плыл три дня и три ночи. К исходу четвертого дня плавания, в ходе которого викинги опасались высаживаться, начали подходить к концу запасы пищи и воды. Воду удавалась зачерпывать из реки, перегибаясь через борт, а с едой ситуация обстояла много хуже. Почти все было выгружено при сборе, а ловить рыбу не на что, да и не чем. Не прыгать же в реку и хватать голыми руками.

– Нужно сходить, – подытожил Ярдар, стоя на носу и обозревая выворачивающуюся из тумана блестящую, колышущуюся дорогу. – Дува, лезь-ка на мачту да осмотришь, нет ли сел поблизости. От франков мы должны были далеко уйти, все ж река нас несла.

Зоркий Дува Хеймдаллев Сын ловко вскарабкался на рею и, приложив ребро ладони к бровям, повертел головой.

– Да, вижу деревню! – крикнул он, затем присмотрелся и добавил. – И замок!

Сквозь голубоватый и какой-то нереальный, призрачный туман действительно показались очертания домов и крепости на холме в трех с половиной полетах стрелы от селения. Утомленные северяне направили ладью к крутому поросшему камышом берегу. Ближе к делу запал начал разгораться в воинственных сердцах, прыгнув на мелководе, отряд норманнов устремился к деревне. Хуторок был невелик, зато богат. Жители, точно не слышав про вторжение скандинавов, абсолютно не готовились к обороне или хотя бы бегству. При виде разъяренных, изголодавшихся людей с оружием, они прижимались к стенам и поднимали руки. Ярловой дружине даже не захотелось их резать, слишком уж пассивно и смиренно вели себя эти несчастные.

Всех согнали в центр села, а сами пошли по домам, пока селян стерегли. Брали в основном еду, на женщин сейчас времени не было. Ярдар решил лично поговорить с людьми из деревни. Сильно его беспокоил замок на холме.

– Кто ваш господин и почему он не защищает свои владения? – сурово спросил ярл у старосты.

Тот покосился на замок и покачал головой.

– Нет, сударь, у нас нет господина. Это имение пустует уже много лет. Старики из села, самые ветхие и седые, и те не помнят, когда в последний раз загорались факела в окнах Шато де Ригоберт. Говорят, в его стенах сокрыты сокровища, накопленные прежними владельцами за сотни лет, но мы не решаемся ходить туда.

– Еще бы, вы дрожите при встрече с настоящими мужчинами сильнее, чем камыши на берегах вашей речушки! – усмехнулся Ярдар.

– Мы не солдаты, – согласился староста. – Войны нас не касаются, и добрались до нас только сегодня. Но Шато де Ригоберт отпугивает нас – и не только нас – совсем по другим причинам. Бытует поверье, будто все, кто пожелает завладеть сокровищами Ригоберта, будут преданы проклятию и погибнут страшной смертью.

– Теперь ты знаешь, что для страшной смерти не обязательны проклятия, – недобро блеснул глазами ярл.

Шумной ватагой викинги, грабившие дома, привалили к центру. В руках они тащили туго набитые съестными припасами, веревками и золотыми крестами, украденными из старенькой церквушки, тюки. Они хохотали, хлопали девушек по попкам, грызли жареные ножки кур и окорока, пили пиво, нарытое в погребах. Молчаливым и угрюмым оставался один седовласый Магнус, именуемый еще Троллем. Даже brave дружинники ярла опасались Магнуса, держались поодаль от него и не дергали без острой надобности.

– Ну что, будем жечь? – безразлично спросил Троль Ярдара, поглядывая исподлобья серыми, точно могильная плита, глазами.

– Постой, к Ниддхеггу в пасть эту дыру. У меня тут идея получше наклюнулась. Вон видишь, замок-то? Надо бы нам его занять, укрепить и отослать людей к ярлам за подмогой. За такими стенами мы год проживем, собирая дань с этих доходяг. Так что гоните скот, внутри всем места хватит! Девять лучших воинов пойдут со мной, остальные соберут припасов и на ладью. Гребите назад по этому берегу, ищите основной флот да к нам ведите. А я, пожалуй, здесь приживусь... если про сокровища тот пес не наврал, – тихо прибавил он.

Викинги согнали пять коров и десяток свиней, да овец с десяток тоже. С ярлом отправился Магнус – человек крупный, суровый и невероятно сильный. При солидном возрасте, он

мог уложить двоих юношей в кулачном бою зараз. Не мало денег Магнус поднял, вызывая на поединок на спор доверчивых, подвыпивших сородичей и чужеземцев. Сидит, вроде, старик в мешковатой одежде, высокий-то высокий, да на вид дряхлый совсем. А скинет тряпье – тролль троллем. Кулаки, что молоты бьют. Говаривали, что он колдун и берсеркер, дескать, железо его не берет, мечи в бою словно тупятся, как по нему ударяют. Без Магнуса Ярдар Каменный Лоб в походы не отправлялся. Вторым вызвался Дува Хеймдаллев Сын, прозванный в честь сторожа Бивреста за небывало зоркие глаза. Он прихватил с собою верный ясеновый лук, из которого разил без промаха с большого расстояния, и колчан с тридцатью стрелами. Еще там были братья Ульв и Бергфинн Олавсоны, молодые, горячие и сильные воины, с ранних лет ходящие в походы и снискавшие славу в десятках битв. Блакари Воронье Перо, получивший свое имя из-за черных волос. По той же причине многие побаивались Блакари, а поскольку он был еще и кузнецом, на редкость умелым, то люди почитали его за сильного колдуна. Выкованное им оружие считали заговоренным. Ярдар лично заказал ему свой меч Кнуз. Шестым назвался Гисли Толстый, веселый с друзьями и свирепый с врагами. При нем всегда был топор и увесистая дубина, обитая железными кольцами с шипами. Низкий хохот Гисли слышен был за милю, любил он пиво покрепче и кусок мяса потолще. Любой пир, где появлялся Гисли Толстый, был весел и непременно заканчивался дракой. Не мог не идти с ярлом его родич Оффрид Кровоглазый, высокий, длинноволосый и с налитыми кровью глазами, даже когда он был спокоен. С Оффридом в военном деле мало кто спорил, он мог легко драться двумя мечами и метать дротики с обеих рук. Не всякий обладал таким искусством, разве что Ярдар мог похвастаться тем же. Последние двое были Эгиль Хитрый и Торгрим Кривой. Оба не выделялись особенно, зато были верны ярлу. Эгиль, правда, жаден был сверх меры, но поскольку честно делил добычу со своими, его не трогали и не порицали.

Взвалив на могучие плечи награбленный скарб, отряд воинственных северян выступил к замку, погруженному в недобрую тьму.

Глава 2

Все выше и выше по холму пролежала крутая тропка. Трава под ногами темнела и жухла с приближением к Шато де Ригоберт. А были ли то происки темного колдовства или близость болота с его испарениями повлияла на траву, не тревожило умов норманнов. Болото же оказалось рвом, вода в котором стухла за сотни лет, покрылась ряской и иной растительностью, семена коей обронил неосторожный ветер или птица. Ров изначально задумывался как непреступная преграда – шириной он был две или все три руты. Для переправы на другой берег стояли лодки – пять штук, привязанные к вбитым в землю сваям. Также пролегал мост до самых ворот, но он был перебит, словно бы ударом великана, обвалился, порушился в воду и догнивал в вечном спокойствии.

Сам замок или скорее укрепленное имение мрачной громадой высился над стоячей жижей. Яркие краски слезли, почернели, стекла на многих окнах, перекрытых почему-то прутьями железных решеток, разбились, ставни еле держались на петлях. Монументален был Шато де Ригоберт, на семь этажей вырос он вверх, посередине, словно палец, тычущий в небеса, торчала башня с конусной крышей и острым шпилем. На углах были четыре пристройки с бойницами под квадратными навесами. Фасад прикрывался укрепленной стеной, доходящей до четвертого этажа, поросшей пучками травы. Где-то дальше за этой стеной, огибающей замок, имелся внутренний дворик, иначе для чего было вокруг огораживать замок сзади. Болото равномерно окружало имение Ригоберта со всех сторон, мост же был один – это сразу было заметно.

Ярдар почесал бороду и хитро улыбнулся. Да, в такой крепости можно держать осаду целой армии в течение месяца, главное не давать врагу понтоны наводить. Хотя какие тут понтоны? Вокруг ни деревца, а тащить бревна в гору они замучаются, как и орудия. Знай – из луков их постреливай. И не всякому в голову придет искать шайку викингов в древних руинах. А уж какие богатства там могут храниться!..

– А ну, парни, за дело! – прикрикнул ярл на дружину. – Отвязывайте лодки. Будем по очереди сплавляться, скот нужно переправить.

Животные упирались, шли нехотя. Пришлось их чуть ли не волоком тащить. Гисли Толстый, устав от толканий со свиньями, подхватывал тех на плечи и, хохоча по обычаю, тащил в лодку. Только после того, как три лодки были загружены, северяне заметили у кромки воды серого старца. Дряхлый, убогий, тощий, словно скелет, он сидел на камне с удочкой в руках и тихо посапывал.

– Эй, ты кто будешь?! – толкнул рыбака Ярдар.

– А, что? – встрепнулся тот. – Кого принесло под стены этого проклятого логова зла?

– Кого принесло, того уже не прогонишь, – усмехнулся ярл. – Ты чего тут делаешь, старик? Что, во рву рыбка-то клюет? Ха-ха-ха! Иль не знаешь, где у вас река течет?

– Знаю, господин, – тихо ответил старик. – Только мне в деревню нельзя, да и рыбка там другая, не та, какую мне надо. Да вы не смущайтесь, в этой воде не меньше тайн, чем за стенами Шато де Ригоберт. Здесь давно рыба водится. А улов какой богатый!

Ярдар перевел взгляд на ведро, прикрытое засаленной тряпицей, и имеющее крайне дурной запах. Из-под тряпки свисало нечто, похожее на рыбий хвост. «Он и есть», – заметил ярл.

– Ну смотри, дед, теперь у этой крепости новый хозяин! Можешь сидеть на берегу, но только в замок мой не лезь. Вон, паренька того видишь, – он указал на Дуву, старик кивнул. – Он тебе глаз стрелой выбьет, если ты даже до реки спустишься. А эти стены отныне никто не преодолеет.

– Их и раньше не преодолевали, – беззубо ухмыльнулся старик. – Никогда и никто не брал Шато де Ригоберт штурмом, кроме первого раза, зато крови лилось больше, нежели на ратном поле.

– Ты, я вижу, много про замок знаешь, – заинтересовался Ярдар. – Скажи-ка мне, кто же брал его?

– Господин, наверное, и не знает, сколько стоит эта твердыня. А стоит она со сто двадцатого года до рождения Христа. На этом самом месте стояла фортеция римских завоевателей. Спустя десяток лет пришли племена с северо-востока, вел их свирепый вождь, которого позже и прозвали Ригобертом, истинного имени не помнят предания. Он первым занял крепость, превратил ее в каменный бастион, жил и пировал. Говорят, за ним шел кровавый след от самой Германии, до этого форта. Он был жесток и жаден, все награбленное спрятал в вырытых под замком подвалах и поклялся всеми демонами, что не отдаст их ни одному смертному. Считается, будто любой, кто возжелает владеть золотом Ригоберта и богатствами, принесенными в эти стены после его правления, не уйдет живым. И кто бы ни занимал Шато де Ригоберт, пропал в нем, точно в пасти ненасытного зверя.

– И ты хочешь напугать меня этой басенкой? – хмыкнул Ярдар. Дружина поддержала вождя смехом.

– Как могу, господин? – замахал худощавыми руками старик. – Мое дело рыбачить, а в крепости я сам бывал, укрывался от дождя. Но коли вы заявляете свои права на нее, то не смею больше появиться там.

– Мудрое решение, старик, – Ярдар сплюнул в воду и вернулся к переправе.

Его люди загружали уже пятую лодку. Вскоре она была готова. Поплыли Гисли и Дува, Блакари и братья Олавсоны – они сели в одну лодку. В последнюю лодку сели Оффрид – чтоб за всем присмотреть от лица ярла, и Эгиль Хитрый. Свободное место ушло под скот: свиней и овец грузили по три штуки, а коров пришлось по одной возить. Ох, и намучились же викинги с перевозом! Скотина, как только могла, сопротивлялась, от воды шарахалась, от вони нос воротила. Оффрид и Гисли, у него лучше прочих получалось со зверьем ладить, остались у приоткрытых ворот стеречь перевезенных животных. Оффрид с берега следил за лодками, а Гисли заводил скот в залу. После живности перетаскали снесь. Пришло наконец время и оставшимся на том берегу перебраться.

Как закончили с делом, лодки выволокли, да в зале припрятали. Небо к этому времени окрасилось персиковым закатом. Не меньше часа пришлось потратить. Ярдар последний раз глянул на старика, сидящего, точно каменный идол, на прежнем месте, и затворил тяжелые ворота.

* * *

Массивный засов, укрепленный железом, лег в петли. Внешний мир перестал существовать в сырых, поросших мхом залах. Было очень темно, темнее, чем должно быть в закатный час. Окна словно задерживали льющийся снаружи свет. Факела, разумеется, не горели, как и толстые оплывшие свечи в оплетенной паутиной люстре. Холл когда-то ослеплял великолепием, но перестраивали замок в последний раз лет сто назад, а пустел он, как прикинул ярл, не меньше полувека. Черные зевы галерей вели вправо и влево. Идя прямо можно было попасть на задний двор – в ворота краснела щель, – либо подняться на другие этажи или сторожевую башню. Побитые временем статуи, проржавевшие от сырости рыцарские латы, громоздкие и неуклюжие, распухшая мебель, затянута вуалью паучьих тенет и жутковатые лица на старых картинах – пожалуй, это все, что находилось в зале. Ничто из обнаруженных северянами предметов не сошло за сокровище или хотя бы за ценность. Разве только оружие, да и то опять-таки проржавело. И зачем таскать с собой лишние алебарды и двуручные мечи?

Ярдар недовольно заворчал, озираясь привычными к полутьме глазами. Правда, он злился пару минут. Ведь это только первая комната, можно сказать прихожая. Кому в голову придет такая светлая мысль – хранить богатства в прихожей?!

– Эй, а головки-то на стульях золотые! – невольно громко выкрикнул Эгиль, в глазах у него вспыхнул огонь желания.

Вытащив из-за пояса у спины большой охотничий нож, он потер круглую головку на резном кресле у круглого замеченного серыми дюнами столика, и примерился скосырнуть ее.

– Не тронь! – рубанул Ярдар. – Успеешь золото полапать. Если верить болтовне той деревенщины, золота здесь навалом и оно отныне мое. А я щедр со своей дружиной, как тебе известно. Ульв, Бергфинн! – кликнул он братьев. – Отгоните скот на задний двор. Дува, лезь на башню, да возьми Эгиля – а то у него от духоты жадность разыгралась. Будет ваш черед дозор нести. Как луна в зенит войдет, спускайтесь в главный зал, сюда то есть. Вас подменят Балакари, у него как раз лук при себе, да мой родич Офрид.

Громко скрипнули ворота заднего двора, заставив ярла умолкнуть. Бергфинн повел за привязанные к шеям бечевы коров, упрямо упирающихся и мычащих, как целое стадо. Брат его Ульв гнал следом овец и свиней, посвистывая прутиком, найденным в деревне. Давно не смазанные петли скрипнули, дернув за нервы, когда Ульв толкнул створку пяткой.

– Так, дальше кто? – задался вопросом Ярдар. – Угу, Гисли, ты у нас к столу первый бежишь, тебе и погребок искать для наших припасов. Пока пусть тут полежат, а ты полазай по подвалам. Если нужна будет помощь в переноске, так задействуй Балакари с Офридом, покуда их на стражу не позвали. Магнус, без тебя я никуда, да и ты, Торgrim, пойдете со мной крепость осматривать. Нам тут долго сидеть, а чтобы чувствовать себя как дома, для начала хорошо бы выяснить, где чего находится. Пойдем сначала по этажам. Хочу я посмотреть, каков зал правителя в этом замке.

Решено – сделано. Дува поправил лук на плече, прихватил из корзины булку и пошел к лестнице в башню. Эгиль, не слишком довольный скорой отправкой в дозор, поплелся за ним, сперва распахав по карманам пару яблок, солонину и хлеб и сунув под мышку бутылку вина. Гисли почесал за ухом, прикидывая, в какой стороне спуск в подземелье, а затем махнул рукой и наугад пошел в правую галерею, сгинув в непроглядной тьме. Балакари двумя быстрыми движениями отряхнул стул возле того же круглого столика и развалился на нем, широко разведя ноги в черных кожаных штанах. Для поддержания зловещего образа, который ему льстил, он частенько наряжался в черное. Офрид присел прямо на стол.

Ярл же с двумя провожатыми направился к одной из двух загибающихся лестниц, размещенных по бокам от прохода на башню. Вскоре бряцанье их мечей захлебнулось в густой тишине.

Глава 3

На заднем дворе уже поднимался туман, словно на лугах после дождя. Запах сырого сена повеял из пустеющих стойл. Тихо поскрипывали деревянные калитки конюшен, хотя ветра не было. Притихшее стадо покорно шло, ведомое братьями. Ульв, разгоняя марево руками, направился к стойлам, проверить, сойдут ли они для животных, или уже утратили уют, прогнили и развалились.

Отодвинув калитку, липкую от тумана, воин севера заглянул в хлев. Изнутри он выглядел как длинный коридор с несколькими входами, разделенный дощатыми стенками на ячейки. Ячейки устилали копны сена, синего и черного местами. Как ни странно, сено сохранилось, пусть и не в лучшем виде. Ульв прокрался, точно расхититель, в темнеющий коридор. На миг ему послышалось приглушенное временем блеяние овец, а может, то блеяли овцы, охраняемые продрогшим Бергфинном. На следующем шаге под ногой раздался хруст как бы нехотя сломавшейся кости. Присев на корточки, Ульв поводил ладонью по соломе и неприкрытым ею холодным камням. Под руку попало ребро овцы, а рядом валялись и другие. Осмотревшись, он обнаружил, что все ячейки завалены костями домашних животных, погибших от голода. Именно эта мысль пришла в голову старшему сыну Олава Острозубого. Что-то случилось с последними владельцами замка, и скот некому было кормить.

«А сена почему так много осталось?!» – ударило ему в голову. – «А если болезнь!» – последовала еще более ошеломляющая идея. Невольным жестом отряхнув руки, Ульв попятился спиной к выходу, но уперся в деревянный заборчик. Сердце подпрыгнуло в груди, а Ульв – на месте. Резко развернувшись, он увидел, что шел назад чуть правее, чем входил. Выскочив на двор, он принялся кликать брата.

– Чего шумишь? – шикнул Бергфинн, появившись из дымки, словно корабль.

– Похоже, замок вымер от болезни! – затряс Бергфинна за плечи Ульв. – Не соврал старик, говоря, что не мечи губили всех его владельцев! И сам бледный был, что мертвец! Надо убираться отсюда!

– Да не может быть, – криво улыбнулся Бергфинн, сдерживая накотившее волнение.

Подняв глаза к башне, он заметил Дуву, тот тоже заметил братьев и помахал им рукою. А потом туман сокрыл его.

– Пойдем, посмотрим, вдруг что-то другое скотину сгубило, – предложил Бергфинн, не желая мириться с версией о болезни. Страх требовал опровержения.

С этими словами он заглянул в хлев, а Ульв боязливо ступал за ним. Бергфинн слыл умелым охотником и следопытом, по наученному он приник к земле, клинком подтянул череп коня и принялся изучать. Вертел и так и эдак, наконец взял в пальцы и ощупал. В темноте надеяться приходилось на осязание.

– Нет, не болезнь, – облегченно выдохнул он. – Этого коня убили, – показав череп брату, Бергфинн ткнул кончиком меча на рассечение на затылке. Глянув еще пару черепов и костей, заверил: – Убиты все. Убиты и обглоданы. Кости грызли зубами, но понять, чьими сложно. Возможно, люди из крепости обезумели, или изголодались в осаде. Старик сказал, штурмом не брали, а ведь могли осадой извести. Вот с голодухи и померли. А те, кто пришел на их место, могли просто уйти со своим скотом. Давай-ка стадо загонять, пока по двору не разбежалось.

Приободренный Ульв помог брату согнать стадо и разместить по ячейкам. Кости они сгребли в кучу посереде двора, да оставили до поры до времени. Авось на растопку еще сгодятся, если франки крепость осадят.

– Надо было сразу травы настричь, – посетовал Ульв. – А чем теперь кормить будем?

– Гисли, помнится, захватил пару мешков корма у крестьян в сарае. На первый раз и этого хватит.

– Эх, не хватит, – с досадой выдохнул Ульв. – Ты принеси еду для зверья и нам чего-нибудь захвати, я б от пивка не отказался. Сам сплываю на тот берег, да накошу травы.

– А ярл коли прознает? Дува тебя быстро высмотрит с башни.

– Ничего, он же увидит, что я на лодке плыву. А ярлу так и вообще дела нет – он по замку ходит. Скотину кормить-то надо.

Согласившись, вернулись в залу. Кряхтя мимо проковылял раскрасневшийся от беготни по лестницам Гисли. Он фыркал и пыхтел так, словно переплыл реку. Оффрид свирепо сверкнул глазами, встречая пришельцев. Впрочем, глаза ярлова родича казались злыми всегда из-за кровавости. Блакари самозабвенно начищал снятые со стены мечи, примеряясь, как бы можно их перековать. Поняв, что потревожили его – а он был очень бдителен, – товарищи, Оффрид вернулся к столу, на котором разожгли свечи в тяжелом чугунном подсвечнике, покрытом позолотой. Там же дожидалась хозяйина чарка меду. Одним глотком Оффрид опустошил ее и присел.

– Как скот? – поинтересовался он у братьев.

– Разместили, – коротко отвечал Бергфинн. – Только покормить надо. Гисли, куда ты тетки бросил?

Великан Гисли хрюкнул, растерянно осмотрелся и указал на два мешка возле стола.

– Там вроде, – буркнул он. – Ладно, некогда мне лясы точить. Я погреба отыскал, пойду, снесу запасы, а то стухнут.

– А вино-то было? – не отрываясь от запятнанной стали, с ехидной улыбкой сказал Блакари. – Я слышал, в замках всегда вино по подвалам прячут. Все же веселее сидеть будет, да и ночь холодная грядет, кожей чую.

– Вино? – задумавшись, переспросил Гисли. – Да, было вино. Я принесу.

– Давай с тобой схожу, тоска здесь смертная, – поднялся Оффрид.

– Нет, нет, ничего, я принесу, – зататорил Гисли и был таков.

Дружинники удивленно переглянулись. Странно себя повел Гисли Толстый, точно утаивал чего-то. Да и не горланил пьяные песни, как бывало, стоило ему отыскать пиво или еще какое пойло. Оффрид постоял, решая: идти за Гисли или нет. В итоге остался в зале – так ведь и вахту прохлопать можно. Бергфинн принялся разжигать большой камин, на котором виднелся барельеф лица, обколовшийся настолько, что сложно было разобрать, женщина там изображена, мужчина ль или вообще незнакомая тварь. На растопку пошла сломанная мебель, валяющаяся там и тут без порядка. Обломки специально отложили Оффрид и Блакари на просушку, подоспело время их жечь.

Ульв потихоньку засуетился. На улице стемнело, а он все не мог заставить себя выйти из замка, будто неведомая сила держала. Но скот не кормлен, а на утро и франки, глядишь, пожалуют. Тогда из-за робости одного воина весь отряд останется без запасов. «Не гоже викингу темноты бояться!» – порешил он.

– Пойду, пожалуй, – объявил Ульв, отодвигая засов. Прихватил с собой четыре пустых мешка – два вернул его брат, сбежавший в хлев после разведения огня, два опустели, когда из них вытащили еду и питье.

– Куда это? – строго нахмурился Оффрид. По стати он не уступал родичу своему, Ярдару, и уважением в дружине пользовался не меньшим.

– Травы накошу, – нехотя отозвался Ульв. – Раньше запасемся – лишних хлопот в дальнейшем избежим. Я скоро, пива мне приберегите.

Дверь захлопнулась за ним сама, втянув в зал клубы тумана и продирающий до костей холод.

* * *

Ворота замкнулись сразу, как Ульв вытолкал лодку на узкую кромку травы. Сразу за ней замерло болото, в ночи похожее на поляну в лесу. Так вот не разберешь, ступишь и поминай,

как звали. Ульв Олавсон не даром попал в число избранных ярла, он был могуч, горяч и вынослив. Управиться с лодкой в одиночку для него легче легкого. Что там лодка, в родном хуторе он выше всех лазал по горам и дальше заплывал в море в самые лютые морозы. А в первый поход отправился в четырнадцать лет, прикинувшись перед хевдингом проходившего стороной корабля восемнадцатилетним.

Лодка вязко хлюпнула, погружаясь в зеленую воду. К ночи та словно стала гуще. Луна не отражалась в воде, лишь распласталась масляным пятном. Всюду клубился белый туман, тянувшийся с реки. В ночи ухал филин, откуда, было не разобрать. Да и ближайший лес из замка виделся тонкой шершавой черточкой, подведенной на горизонте. Ульв влез в лодку и опустил весла. Провернуть их оказалось серьезной задачей. Они увязли в болоте, хотя днем ничего подобного не происходило. Норманну почудилось, будто кто-то хватается весла снизу. Осознавая абсурдность этого предположения, он все же решил глянуть за борт. Рука сама собою ухватилась за рукоять меча с широким навершием, изображающим Торв Мьельнир.

Качнувшись в лодке, Ульв глянул в воду. Она была похожа на кожу жабы – зеленая с черными пятнами. Местами проступали долго держащиеся пузыри, точно гнойные прыщи. Вонь только крепла, Ульву пришлось зажимать нос, чтобы хоть минуту смотреть в тухлую воду. Тишь да гладь, никаких признаков жизни. Да и что может жить в этой мути? Старик про рыб говорил, видать, большие они тут. Для верности решил глянуть с другого борта. И увидел сквозь зеленую пленку лицо. Черное, с впалыми скулами, глаза на выкате, борода торчит клоунами. От неожиданности Ульв повалился на дно лодки, извлекая меч из ножен, но ничего не последовало. Отдышавшись и набравшись смелости, он снова глянул за борт. В еще секунду назад непроглядной жиже подрагивало отражение Ульва, четкое, как в зеркале, да плавал клоч бурых водорослей.

– Один всемогущий, – нервно смеясь, потер лоб Ульв. – Надо ж было на самого себя страху нагнать. Замок этот проклятый, что ли, так действует. Хорошо еще в одиночку поплыл, а то точно на смех подняли бы.

Весла пошли шлепать по болоту без натуги, словно причудилось все. На вершине башни успокаивающе горели факелы, мелькали черные тени Дувы и Эгиля. Полная луна всползла над лесами, однако светлее не стало. Ночь из пугающей превратилась в тихую и умиротворяющую. Только силуэт старика рыбака, маячащий в тумане на уровне северной части замка, напоминал о призраках, таящихся во мраке. Неприкаянный бродяга удалился и к моменту, когда лодка уперлась в берег, больше не возникал.

Ступив на хоть и не далекий, но долгожданный берег и погрузившись в высокие заросли десятки лет некошеной, буйнорастущей травы, викинг принялся за дело. Звонко лязгал меч, словно отсекающий головы врагам, подрубая травы и взрезая туман, тускло моргала сталь в лунном свете.

Глава 4

Гисли любил ярла, уважал его воинское мастерство, всегда преданно служил, но его скорые распоряжения выдавали из толстяка пару крепких, возмущенных слов. Только ушли в помещение после нелегкой переправы, а Ярдар не дал ни огонь развести, погреть уставшие ладони, ни выпить, ни поесть. Даже память о недавнем налете на деревню выветрилась, а они и туда же прибыли утомленными и голодными. Впрочем, франки не дремлют. Подхваченные крыльями славной победы, будут преследовать разбежавшихся норманнов в каждой щели, дабы не собрались вместе.

Темная галерея без окон тянулась далеко вперед, а Гисли уже не различал дороги. Под слепо шарящей по стене рукой качнулась ваза на тумбе, затем подвернулся старинный холст. Гисли покорила себя за неосмотрительность: в главной зале-то факела были, а тут поди еще отыщи. Стена, стена, картина, снова стена. Но вот удача улыбнулась викингу. Длинная деревяшка в ладони определенно являлась факелом, на ощупь пакля маслянистая, значит, смола не сгорела. Поругиваясь, Гисли Толстый нащупал в кармане меховой куртки, надетой поверх кольчуги, огниво. Пришлось раскорячиваться, зажимать факел коленями. На третий удар по кремню вылетевшая искра упала на паклю. Темнота, как стая перепуганных волков, разбежалась от яркого, после долгого мрака так просто ослепительного света. Огонь взвыл, вырвавшись на свободу.

Теперь Гисли мог осмотреться. Находился он в длинном коридоре, который прошел на треть. По правую руку тянулась вереница дверей, слева – несколько лестниц вверх и вниз. Под ногами расползлся истлевший ковер, стены украшали картины пейзажей Франции и портреты. Лица потускнели, краска слезала. В дрожащем свете факела они показались Гисли злыми и словно принадлежащими мертвецам. Должно быть, такое видит бесчестный человек, оказавшись в Нифельхейме. Резные тумбы с вазами, позолота и краски которых давно померкли, чередовались с напольными горшками, откуда торчали сухие остовы растений. Вытащив из-под кольчуги камешек с руной Одал, висящий на тесьме, Гисли крепко сжал его в кулаке и прикрыл глаза, вспоминая плеск волн родного фьорда. На душе сразу потеплело и прибавилось сил. Не напрасно носил он этот символ всегда и всюду.

Выбрал первый же спуск, плутать по неизвестному месту желания не было. Ступени из гранитных кирпичей местами покрылись зеленой слизью, замок вообще будто из-под воды поднялся, до того там было сыро и холодно. Факел оставался последней искрой жизни в промозглой, черной безвестности. Чем ниже спускался Гисли, тем холоднее делался воздух. Определенно где-то здесь хранили припасы. Чернота непокорно расступилась перед огнем, открыв арку и край подвала. Внутри золотой искоркой блестел некий предмет. Зачарованный северянин ступил на следующую ступень. Предательски притаившаяся слизь подхватила ногу, Гисли понесло вперед. Ударившись, он выронил факел и откинул гудящую голову на пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.